

В зрительном зале Большого театра медленно гаснет свет. Взмах дирижерской палочки — и льются звуки музыки. К мелодии оркестра присоединяется голос певицы. Он то сливается с ней, то парит над оркестром, словно серебристое облако, то струится и журчит, словно прозрачный ручей. Чувствами зрителя постепенно завладевает неотразимая сила, вырастающая из гармонии голоса, музыки и действия.

Обладательнице этого волшебного, отливającego серебром голоса — солистке Ирине УДАЛОВОЙ — легко покоряются главные женские партии почти всех опер, идущих на сцене Большого.

МАГИЧЕСКАЯ НОТА МИ БЕМОЛЬ

Москва. — 1994. — 28 апр. (№13) — с.8.

— Ирина Григорьевна, рано обнаружив вкус к пению, вы решили посвятить себя опере?

— Поначалу я об этом не думала. Я просто пела. На Кубани в станице Кущевской, где прошло мое детство, не было ни одного концерта или праздника, в котором я бы не выступила. Ни театра, ни концертного зала у нас не было. В опере мне впервые удалось побывать много лет спустя, когда я уже училась в Кишиневской консерватории. Наверное, огромное желание что-то выразить своим голосом подсознательно настроило меня на выбор карьеры оперной певицы. После консерватории я из нескольких предложений выбрала Ашхабадский театр оперы и балета имени Махтумкули. Тогда это было единственной возможностью петь вместе с мужем в одних спектаклях.

— А как вы пришли в Большой театр?

— Я об этом мечтала. Но привела меня в этот театр сама судьба. На конкурсе вокалистов имени Глинки своим вниманием меня удостоила Ирина Архипова, пообещав пригласить на прослушивание в Большой театр. Но телеграмма с приглашением так и не пришла. Узнав об приятельнице, что через несколько дней прослушивание все-таки состоится, я без всяких документов прилетела в Москву. Вакансий в труппе для меня не нашлось. Однако нашлась добрая душа, предложившая мне попробовать себя в стажерской группе. Что делать? Возвращаться в Ашхабад? А что, если другой такой возможности не представится? И я согласилась.

Когда главным дирижером стал Александр Николаевич Лазарев, меня перевели в труппу. Он поверил в меня и назначил на роли Лизы в «Пиковой даме», Иоанны в «Орлеанской девице», Войславы в «Младце». Один недоброжелатель, противившийся моему приходу в Большой, впоследствии признался: «А ведь могло случиться, что мы потеряли бы такой голос!»

— Судьба, сдается, была благосклонной к вам. В вашей семье верят в судьбу?

— А как не верить? Даже скептики заглядывают в гороскоп, хотя и не очень доверяют ему. Я — Стрелец. Стрельцы одержимы желанием достичь наибольших высот. Поэтому они всецело отдаются делу, которому

посвятили свою жизнь. Наверное, именно поэтому судьба им часто благоволит.

Мой муж Юрий — тоже выступает на сцене Большого театра. По гороскопу он Лев. Львы проницательны и сообразительны. Именно он каким-то чудом достал мне счастливый билет на самолет, и я успела в Москву на прослушивание. У Львов ни в чем не бывает «золотой середины». Особенно рьяно муж оберегает мое творческое благополучие. Как все тенора, он бывает вспыльчив, когда не удовлетворен работой. В таких случаях я делаю все, чтобы восстановить равновесие и гармонию в семейной жизни.

Когда речь заходит о тенорах, непременно отмечают, кто из них взял «верхнее до». Специалисты утверждают, что при исполнении этой ноты голосовые связки совершают свыше 1000 колебаний в секунду. Неудивительно, что это «верхнее до» становится чем-то магическим.

— Ирина Григорьевна, вы лирико-драматическое сопрано. Есть ли у вас своя магическая нота?

— Конечно. Это сверхвысокая нота ми бемоль. Но я ее не считаю такой уж магической. Когда полностью вживаюсь в образ героини, то для меня нет недоступных голосовых высот.

— Опера — строгое искусство. Остается ли у солиста место для импровизации?

— Опера требует от солиста ювелирного исполнения. Некоторые композиторы, например Россини, предоставляют певцам определенную свободу. Но в большинстве случаев воляности не допускают.

Но бывает, что приходится импровизировать. Помнится случай, когда на сцене Ашхабадского театра шла опера «Севильский цирюльник», в которой мой муж пел партию графа Альмавивы. На роль донна Базилио из Маринского театра был приглашен известный бас Борис Штоколов. Дон Базилио должен вот-вот появиться, все ждут, а его нет. Нет минуто, нет другую, третью... Что делать графу Альмавиве? Дирижер снял оркестр, в зале гробовая тишина... И граф несколько раз повторяет: «Вот сейчас он будет здесь. Да, он скоро будет здесь». За это время успели сбегать в гримбуру и видят, что Штоколов никак не может привести в божеский вид свою черную рясу монаха. Наконец, задрав не по росту длинную

рясу, он выбежал на сцену. И граф поет: «Вот он здесь, но теперь вперед быстрей».

— Опера не может жить без зрителя и слушателя. Что можно сказать о взаимоотношениях солиста и зрителя?

— На сцене слушателю отдаешь все — голос, эмоции, чувства, актерское искусство... И через напряженную тишину зала как будто кончиками нервов ощущаешь, как эта волна страстей возвращается к тебе и заряжает новой энергией. Каким-то приятным теплом доходит до тебя. На душе становится легко, и спектакль проходит на одном дыхании. Успех венчают аплодисменты. Это кислород, без которого артист не может жить и творить.

— Вы передаете свои знания и опыт молодому поколению?

— Я преподаю сольное пение в Российской академии театрального искусства, мой муж — в Высшем музыкальном колледже им. Гнесиных и в Российской хоровой академии.

— Сегодня модно говорить о новой отечественной элите. Смысл этого понятия часто трактуют по-разному. Как бы вы его определили? Ощущаете ли вы себя частью элиты?

— К элите я бы отнесла нравственных людей, добившихся всего исключительно своим трудом.

Наше искусство все еще оценивается по остаточному принципу. Было бы смешно назвать элитарной жизнь российских артистов. Язык не поворачивается произнести вслух ту сумму, которую они получают за свой труд. Им все время приходится разрываться между сценой и бытом. Поэтому многие наши солисты чаще выступают за рубежом, чем дома.

— В одном из своих интервью вы сказали, что не жалуете критику? Почему?

— Я серьезно отношусь

к родной критике, даже к той, которая все ниспровергает. В Большом привыкли, что у нас все новое часто принимается в штыки. Но проходит некоторое время, и критика становится более объективной.

Критика не должна служить самой себе. Я считаю, что большинство наших критиков недостаточно компетентно, и особенно в вопросах вокала. Поэтому им удобнее заниматься политиканством, выражая вместо своего личного мнения интересы отдельных людей и группировок.

— В чем, по вашему мнению, предназначение оперы?

— Оперу иногда легкомысленно считают далеким от жизни искусством. Это неверно. Она всегда отражает драму жизни. А эта драма не подвластна времени. Опера затрагивает вечные проблемы и идеалы человечества — душевную красоту и бескорыстие, глубину и силу чувств, любовь и ненависть, верность и способность пожертвовать собой ради возвышенной цели... Утрата этих идеалов, как показывает наша жизнь, нередко оборачивается трагедией. Поэтому подлинное искусство призвано не дать заглухнуть в человеке прекрасному, пробудить в нем высокие чувства. А опера, по определению режиссера Бориса Александровича Покровского, — это единственное в своем роде явление, когда слово, звук и действие одновременно поражают душу человека.

— Чем объяснить, что опера крайне редкий гость на телевидении и радио?

— Создавшуюся ситуацию я могу объяснить лишь определенной конъюнктурной политикой. Отговорку, что оперное искусство труднодоступно восприятию простого смертного, я не принимаю. Оно доступно всем, кто хочет его услышать, увидеть и полюбить.

«Бал-маскарад». Амелия.